

A scenic view of a wide river under a cloudy sky. In the foreground, a dark, ornate metal railing with a repeating pattern of arches and spheres runs along a concrete walkway. In the middle ground, a large bridge with multiple arches spans the river. The background shows some distant buildings and a clear horizon.

Николай Тимонович Соковых
Дневниковые
записи

Николай Соковых
Дневниковые записи

«Издательские решения»

Соковых Н. П.

Дневниковые записи / Н. П. Соковых — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964138-0

В книге приводятся воспоминания уроженца г. Воронежа Николая Пименовича Соковых (24.12.1894 — 14.04.1984). В них описывается период с 1890-х до 1920-х годов. Показывается, как исторические события — первая русская революция, Первая мировая война и Гражданская война — отразились на жизни обычной воронежской семьи. Книга будет интересна людям, занимающимся краеведением и историей. Текст приводится с незначительной редактурой, касающейся орфографии и пропущенных по смыслу слов.

ISBN 978-5-44-964138-0

© Соковых Н. П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Воспоминания Николая Пименовича Соковых	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Дневниковые записи

Николай Пименович Соковых

Редактор Василий Борисович Прохоров

Редактор Татьяна Михайловна Прохорова

Оформление обложки Татьяна Михайловна Прохорова

© Николай Пименович Соковых, 2019

ISBN 978-5-4496-4138-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Разбирая документы, фотографии и бумаги, оставшиеся после родителей, мы обнаружили несколько сложенных вместе тетрадей. Как оказалось, это были воспоминания Николая Пименовича Соковых (24.12.1894 – 14.04.1984) – брата нашей бабушки Зинаиды Пименовны Никитиной (Соковых). Как эти тетради оказались у наших родителей – нам не известно.

В воспоминаниях приводится много интересных подробностей жизни семьи в конце XIX – начале XX веков, во время революций, Первой Мировой и гражданской войн. Этот взгляд на прошедшие исторические события глазами непосредственного участника дает возможность лучшего понимания истории нашей страны.

Мы решили оформить эти воспоминания в виде книги.

Воспоминания Николая Пименовича Соковых

Николай Пименович Соковых. 1919 г.

Наш отец, Пимен Николаевич Соковых, был родом из государственных крестьян села Пальна-Аргамач Ламской волости Елецкого уезда Орловской губернии... Название села можно считать до некоторой степени историческим и вот почему: когда-то во времена удельных князей от набегов степных кочевников существовали линии оборонительных укреплений, одна из них проходила через город Елец. От Ельца далеко в степи были наблюдательные пункты, в которых дежурили казаки с лошадьми. Заметив в степи пыль от появившихся врагов, один из казаков садился на коня и мчался в Елец с донесением, и там быстро принимали меры к обороне. Легенда рассказывает про такой случай: мчавшийся с донесением казак на коне арабской породы аргмак (у казаков эта порода лошадей была очень популярна) не доехал до Ельца, его лошадь споткнулась, сорвалась с каменной горы вниз и погибла вместе с казаком близ села Пальна под Ельцом, но донесение было вовремя. С тех пор село Пальна стало называться Пальна-Аргмак. Верна ли эта легенда, доказать трудно, но она в народе существует. Вот в этом селе и родился наш отец в 1862 году (в действительности в 1864 году – прим. авт.) в крестьянской семье. Его отец, а наш дедушка Николай Григорьевич, имел небольшое хозяйство, а его семья состояла из 7 человек: двух братьев и трех сестер, да дедушка с бабушкой. Прокормиться и жить сносно от своего хозяйства было трудно, поэтому в осенне-зимний период мой отец и его старший брат уходили на заработки в город Елец. Сам дедушка в зимнее время занимался извозным промыслом... Он и другие односельчане подражались возить на лошадях купеческие товары (муку, кожу, табак и другие) в Москву и другие города. По рассказам отца у дедушки был такой случай:

Приехав раз с товаром в Москву и сдав его по назначению, артель подрядилась в Москве везти разные грузы в Варшаву. Ехали они долго, но дедушка на своих лошадях до Варшавы не доехал. По причине плохой дороги и чрезмерной нагрузки лошади одна за другой у него пали. Пришлось груз разложить на другие подводы, а самому приехать в Варшаву, как говорится, с одним кнутом. Его товарищи груз сдали и подражались везти новый груз в Москву. Дедушка с ними не поехал, рассчитывая добраться до дома скорее, по железной дороге. Но получилось другое. На постоялом дворе ночью его обобрали воры, и ехать было не на что. Что делать? Ему посоветовали обратиться к воинскому начальнику за разрешением ехать по этапу, бесплатно (тогда этапы были в ведении военных). Ему было разрешено, но одновре-

менно предупредили, что по этапу будут ехать разные подозрительные люди, в том числе воры, беспаспортные бродяги и разный сброд. Под конвоем, как арестанты. Дедушке ничего не оставалось, как согласиться. Ехал он из Варшавы более двух месяцев и вернулся домой в рваной одежде, в сильно потрепанном виде, истощенным, как заправский бродяга. С тех пор нашу семью односельчане прозвали «по-уличному» Варшавские.

Отец тоже уходил на заработки в г. Елец, где работал на товарной мельнице чернорабочим, так как у него не было никакой специальности. С годами постепенно приобрел специальность вальцовщика, а в дальнейшем стал крупчатником. Это была уже высшая специальность в мукомольном деле, равнялась должности инженера-технолога. В сельском хозяйстве он стал мало принимать участия – не было времени и смысла, а лишь помогал в страдную пору немного времени своим трудом. За ряд лет работы крупчатником отец зарекомендовал себя хорошим специалистом, получал уже хорошую зарплату и был на счету. Владелец другой мельницы, находящейся в 30 км от железнодорожной станции Латная в селе Гремячий Колодезь Воронежской губернии, Безруков, предложил отцу более выгодные условия, а именно: деньгами 75 руб. в месяц, квартиру с отоплением, необходимые продукты для семьи, корм для коровы и другой живности. Отец согласился, заключил с Безруковым договор и вскоре с семьей переехал к месту работы. В это время семья состояла из 6 человек: отец, мать, бабушка и трое детей – Нюра, Маня и Настя.

Безруков был человек развитой, с высшим образованием. В свое время он окончил юридический факультет Московского университета, был депутатом Воронежской городской управы и почетным гражданином г. Воронежа. Он знал толк в людях и отца ценил, как хорошего специалиста, особенно после того, как тот произвел необходимую реконструкцию мельницы без особых затрат. Отец также ценил и уважал своего нового хозяина. Видел в нем хорошо образованного и практического человека, с которого можно брать пример. Он очень любил его и рассказывал о нем много, что мы тогда не все еще понимали. Впоследствии отец признался, что Безруков произвел на него решающее «воспитание» и в корне изменил все прежние понятия о жизни. Но главное, что отец ценил у Безрукова, это его убежденность в чем-либо, твердая, неоспоримая и легко доказуемая своему собеседнику. По словам отца Безруков никогда не горячился, терпеливо выслушивал мысль оппонента и только тогда, не стараясь выпячивать себя и убедившись, что собеседник сказал все, что мог, высказывал свою мысль по данному вопросу, но уже неоспоримую и убедительную, как «дважды два – четыре». Что греха таить, говорил отец, и я сам, часто не дослушав до конца разговаривающего со мной человека, перебивал его и предлагал непродуманное, не твердо усвоенное возражение, и получался какой-то безалаберный разговор разгоряченных спорщиков. Договориться конкретно о чем-либо при такой форме беседы и при отсутствии твердой убежденности в правоте дела редко удается. Без доказательств получается пустой разговор. «Многому я научился в общении с Безруковым и его семьей» – заключал отец. Теперь нам, взрослым детям, приходится только удивляться, как из деревенского крестьянского парня, окончившего только 3 класса земской школы, вышел всесторонне развитый, культурный и воспитанный человек, наш дорогой отец!

Время шло. Отец был удовлетворен работой у Безрукова, но сам Безруков – не особенно, и вот почему. Мельница из-за дальности расстояния от железной дороги, а главное – из-за ее технической отсталости – не была в состоянии конкурировать с крупными товарными Воронежскими мельницами, оснащенными новейшим оборудованием и выпускающими муку более высокого качества и с большим выходом ее. Кроме того, было больше расходов по доставке пшеницы из южных районов, переплачивая за тариф и доставку ее гужевым путем от железной дороги до мельницы на расстояние 30 верст. Эти немалые расходы ложились тяжелым бременем на себестоимость муки, что заставляло Безрукова задуматься о дальнейшем ведении дела. На предложение отца о полной реконструкции мельницы по последнему слову техники (замена малых нарезных вальцов большими, установка рассевов (новинка), и замена парового

двигателя нефтяным) Безруков не согласился. У него были свои расчеты – войти пайщиком в большую товарную Воронежскую мельницу и продолжить свое дело в новых условиях, а свою мельницу оставить с меньшим числом квалифицированных рабочих лишь для помола крестьянского зерна на их нужды. На этом и закончилась служба отца у Безрукова, где он проработал более 12 лет.

За это время семья наша увеличилась на 3 человека. Появились на свет 3 брата: я – Николай, Александр и Алексей. Вскоре мы переехали в Воронеж, где и начались наши мытарства по сравнению с жизнью у Безрукова.

В Воронеже должности по последней специальности отца не нашлось, а жить надо. Поступить вальцовщиком отцу не хотелось – не устраивала зарплата, а расходы на содержание семьи возросли. За годы работы у Безрукова наши родители кое-что скопили на черный день, вот отец и решил попытаться счастья в хлебной коммерции, которая ему была немного знакома во время работы у Безрукова при общении с так называемыми «комиссионерами», поставляющими пшеницу на мельницу. Эта работа заключалась в купле-продаже пшеницы большими партиями владельцам мельниц и крупным помольцам. Отец занялся этим делом, хотя мама не соглашалась с его новой деятельностью, боясь неудач и растраты сбережений. Он стал ездить по железнодорожным станциям южных районов Воронежской и Курской губерний, где сеяли больше пшеницу, чем другие зерновые культуры. Там на ссыпных дворах у торговцев, а также в имениях помещичьих хозяйств покупал пшеницу вагонами и отправлял ее по железной дороге в Воронеж по дубликату на предьявителя. В Воронеже продавал ее мукомолам по существующей рыночной цене. За вычетом расходов ему оставалась польза 1—2 копейки на пуд, и это считалось хорошим заработком. За одну поездку отец закупал в разных местах 10—12 вагонов по 1000 пудов каждый. Количество не малое! Несведущие люди могут подумать, что на такие операции нужно иметь порядочный капитал, если исходить из расчета стоимости пшеницы примерно 90—95 копеек за пуд, да плюс расходы за тариф по железной дороге и ряд других. Такого большого капитала у комиссионеров, конечно, не было. На какие же капиталы, вернее, на чьи деньги вели эти коммерсанты такие крупные операции с пшеницей, если в кармане у них было не более 300—500 рублей? А дело обстояло примерно так: такой коммерсант, приехав на место к ссыпщику, скупающему зерно у крестьян, или помещику, желающему продать свой хлеб, договаривался с владельцами об условиях в цене, качестве и сроках отгрузки, и, дав задаток 20—30 рублей на вагон пшеницы, отправлял ее от имени владельца (или сам владелец) на железнодорожную станцию, где она грузилась насыпью в вагоны, и двери заделывались деревянными щитами. Железная дорога выдавала владельцу документ (дубликат) на прием от него зерна, за которое теперь всецело отвечала железная дорога до прибытия его на станцию назначения. Дубликат выдавался или именной на имя владельца или просто на предьявителя, как того пожелает отправитель. Плата за провоз (тариф) уплачивалась отправителем или получателем груза на станции назначения по прибытии его на место. После того, как железная дорога выдала владельцу дубликат, он мог по нему получить в банке ссуду в сумме рыночной цены или на 10—15% дешевле ее. Рыночные цены сообщали хлебные биржи в своих бюллетенях каждые 5 дней, и на основании их банки, как частные, так и государственные, ими руководствовались в выдаче денежных ссуд. Банки охотно выдавали под дубликаты ссуды, выдавая взамен дубликата свою банковскую квитанцию до времени возвращения ссуды банку. Обычно ссуда выдавалась на 10—12 дней, т.е. на тот срок, за который груз, по расчетам железной дороги, должен пройти путь от станции отправления до станции назначения. За просрочку возврата банку денежной ссуды он взыскивал проценты. По прибытию груза на станцию назначения он выдавался по дубликату любому лицу, предьявившему его. А чтобы получить дубликат из банка, нужно оплатить ему полученную ссуду и плюс процент за нее. Вот примерно весь ход действий со дня покупки пшеницы комиссионером до ее продажи мукомолам. Были и другие варианты купли-продажи, но они не были распространены, как неэффективные и тормозили

быстроту оборота капитала в торговле и промышленности. Комиссионеры невольно являлись незаменимыми помощниками в этом деле. Они, как бы, ускорили оборот денежных средств, вложенных в любое дело, а особенно в хлебное, как на внутреннем рынке, так и на внешнем, по экспорту за границу...

В южных губернских городах России существовали хлебные биржи, через которые совершались сделки по купле-продаже сельскохозяйственных продуктов. Они считались юридически оформленными, когда регистрировались в биржевом комитете, и только тогда считались законными. Но на практике внутреннего рынка ими мало кто пользовался вследствие их громоздкости и бюрократизма. Вот здесь-то и было большое поле деятельности для нелегальных комиссионеров по всем специальностям сельскохозяйственных продуктов. Они имели большую связь с продавцами и покупателями этих товаров. Хорошо знали, что, когда и кому надо купить или продать тот или другой товар, не выезжая на место и не имея патента на совершение сделки. Хлебные биржи были набиты этими «специалистами» и притом по разным отраслям. Одни специализировались по продаже зерновых продуктов на экспорт, другие по масличным, третьи на внутреннем рынке по продаже и покупке муки и пшеницы и так далее... Вот наш отец тоже включился в число комиссионеров. Он быстро освоился с этой механикой, забросив на время свою настоящую специальность. Первые шаги ему удалось сделать неплохо. Он стал зарабатывать на жизнь не меньше, чем когда работал у Безрукова. Своих денег требовалось не так много, и опасения мамы, высказанные ею перед началом новой деятельности отца, не оправдались. «Прогореть» он мог лишь на небольшую сумму из своих сбережений, заработанных у Безрукова.

Первое время отец покупал и продавал не более 12—15 вагонов пшеницы на сумму 12—15 тысяч рублей, на которую требовалось своих денег 300—500 рублей для оплаты мелких расходов и небольшого задатка. А зарабатывал 1—2 копейки на пуд, но это в общей сложности составляло 150—180 рублей в месяц. Отец был доволен, мама тоже. Вот в это время после года работы по новой профессии отца наша мама настояла купить свой дом. Вскорости дом купили в окрестности г. Воронежа в слободе Чижова и переехали в него. Отец продолжал работать, и дело у него шло хорошо.

В свой дом мы переехали в 1901 году. В это время наша семья состояла из 9 человек — отца с матерью, бабушки, трех сестер и трех братьев. Как мы все были рады покупке дома! После городской тесноты и переживания всяких неприятностей в наемных квартирах, где было все ограничено, вдруг нам привалило полное раздолье и простор, особенно нам, детям! Мы могли теперь беспрепятственно играть во всевозможные игры без окриков хозяев дома везде, где нам вздумается. Двор был большой и весь огорожен забором. Задняя сторона двора выходила на небольшой пустырь, а чуть дальше раскинулась вековая дубовая роща, принадлежащая какому-то купцу. На дворе были деревянные рубленые сараи. Наша мама тоже не скрывала своей радости от покупки дома. Она очень любила заниматься своим хозяйством, но его не было возможности вести на квартирах в чужих домах. А теперь совсем другое! Вскоре у нас на дворе появились корова, поросенок, куры и собака по кличке Буян, которого мы все дети любили до безумия, а он нас. На столе ежедневно появилось молоко, творог, масло и другие продукты, которых мало и редко бывало во время скитания по квартирам. Но за это мне и брату Александру нашлось много работы по уходу за живностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.